

EDN: VQWIVF
УДК 130.2

“The Red Wheel” by A. I. Solzhenitsyn Genre: A Cultural and Philosophical Approach

Ivan Yu. Makarchuk*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 20.12.2023, received in revised form 24.12.2024, accepted 15.05.2024

Abstract. The article is devoted to the consideration in a culturally philosophical way of the problem of genre identification of the ten-volume work of A. I. Solzhenitsyn “The Red Wheel”. The author of the article has established that the genre of this work is determined by researchers, including as an epic, an epic novel, a historical epic, a cycle, a chronicle, a chronicle, an artistic study. Historicism, artistry and epic are considered as genre-forming features in the article. The author comes to the conclusion that the historical and documentary component dominates in the work. Ideologically and thematically, The Red Wheel is devoted to the study of the prerequisites, causes and course of the Russian Revolution, with the broad involvement of the writer in socio-cultural, political and other contexts covering the life of the whole country and individuals.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, “The Red Wheel”, historicism, artistry, epic, genre, cultural philosophy

Research area: Theory and History of Culture and Art

Citation: Makarchuk I. Yu. “The Red Wheel” by A. I. Solzhenitsyn genre: A cultural and philosophical approach. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(7), 1397–1408. EDN: VQWIVF

Жанр «Красного Колеса» А.И. Солженицына: культурфилософский подход

И.Ю. Макаrchук

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению в культурфилософском ключе проблемы жанровой идентификации десятитомного произведения А.И. Солженицына «Красное Колесо». Автором статьи установлено, что жанр данного труда определяется исследователями в том числе как эпопея, роман-эпопея, историческая эпопея, цикл, хроника, летопись, художественное исследование. В качестве жанрообразующих признаков в статье рассмотрены историзм, художественность и эпопейность. Автор приходит к выводу о том, что в произведении доминирует историко-документальная составляющая. В идейно-тематическом плане «Красное Колесо» посвящено исследованию предпосылок, причин и хода русской революции, с широким привлечением писателем социокультурных, политических и других контекстов, охватывающих жизнь всей страны и отдельных личностей.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, «Красное Колесо», историзм, художественность, эпопейность, жанр, культурфилософия.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Макаrchук И. Ю. Жанр «Красного Колеса» А.И. Солженицына: культурфилософский подход. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(7), 1397–1408. EDN: VQWIVF

Введение

Литературно-художественные произведения, принадлежащие перу отечественных писателей, являют собой важную часть национального культурного и исторического наследия, исследование которого помогает глубже понять и проанализировать развитие российской цивилизации, поскольку «текстовой деятельностью социального субъекта создаётся и сохраняется код культуры, воспроизводится человек-в-культуре» (Astafieva, 2023: 156).

Александр Исаевич Солженицын (11.12.1918–03.08.2009) является одним из выдающихся русских писателей, а также мыслителем, историком, исследователем культурных и философских аспектов российской истории, общественным деятелем, творческое наследие которого представляет собой уникальное художественное явление,

культурный феномен. При этом до настоящего времени корпус трудов писателя ещё не осмыслен исследователями в полной мере.

Эпопея «Красное Колесо» – главный писательский труд А.И. Солженицына, в той или иной степени аккумулировавший остальные его работы и посвящённый русской революции. В этом произведении писатель рефлексировал над предельными основаниями человеческого бытия через призму истории, культуры и философии. Вследствие этого эпопея «Красное Колесо» содержит культурфилософские воззрения относительно судеб России, самобытных черт русского народа, места православия в национальной жизни, утверждения общечеловеческих ценностей, а также проблем формирования духовной культуры общества и человека, исследование которых спо-

собно обогатить знаниевый потенциал теории и истории культуры, стать основой для дальнейшего национального развития.

Постановка проблемы

Вопрос о жанровой идентификации «Красного Колеса» до настоящего времени является дискуссионным и, соответственно, открытым. Такую исследовательскую ситуацию можно объяснить присутствием следующих факторов: чередование жанровых оттенков (Kublanovsky, 1989: 290), которое было обусловлено желанием автора воплотить историю в её горизонтальном и вертикальном измерении (Gerasimova, 2007: 70). В. В. Гуськов указанную ситуацию объясняет не только жанровой полифонией, но и спецификой творческих задач, поставленных автором, а также наличием разных авторских обозначений жанра «Красного Колеса» (Guskov, 2010: 37–38). Полагаем, что приведённые причины жанровой эндемичности «Красного Колеса» тесно взаимосвязаны и для успешной идентификации жанра произведения нуждаются в подробном рассмотрении. Соответственно, несостоятельной представляется позиция Э.Б. Вахтеля о том, что писатель сознательно множит жанровые и дескриптивные определения во избежание соотнесения жанра «Красного Колеса» с устоявшимися жанровыми ярлыками (Vakhtel, 2010: 628–629). На наш взгляд, очевидно, что автор от Узла к Узлу (эпопея состоит из следующих Узлов: «Август Четырнадцатого», «Октябрь Шестнадцатого», «Март Семнадцатого», «Апрель Семнадцатого») искал жанр для наиболее точного и объективного изображения происходящих событий. А.И. Солженицын был вынужден трансформировать традиционные жанровые формы, поскольку классический подход к художественности не позволял воплотить необходимый ему объём содержательной (Golubkov, 2001: 24), а также культурно-исторической смысловой нагрузки.

Жанровую ситуацию относительно «Красного Колеса» наилучшим образом характеризует следующая мысль И.А. Балашовой: «Автору литературы Нового

времени принадлежит право размышлять о жанре своего произведения и определять его – с той или иной степенью привлечения известного или как будто без оглядки на традицию. Авторское осмысление жанровых свойств нового творения не изучено наукой в достаточной мере. Это объясняет неполноту сведений о литературных жанрах произведений XIX–XX веков» (Balashova, 2012: 51). Полагаем, что А.И. Солженицын воспользовался этим правом в полной мере, не только при создании рассматриваемой эпопеи, но и при написании других произведений, например: двучастные рассказы, крохотки, «Адлиг Швенкиттен» (односютчатая повесть), «Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования».

По мнению С.М. Калашниковой, «если попытаться дать точное жанровое определение «Красного Колеса», то мы получим ещё не обозначенную в науке форму «внежанровой литературы» (Kalashnikova, 2018: 48). Полагаем такой подход «обезличивает» жанровую неповторимость произведения. При этом понимание того, что «Красное Колесо» не укладывается в традиционную литературоведческую жанровую классификацию, обуславливает необходимость научно обоснованной жанровой идентификации произведения.

Методология

Методологическую основу работы составили как общенаучные методы (анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, логический и исторический подходы), так и методы, традиционно используемые в культурфилософских исследованиях: культурологический анализ и метод культурфилософской традиции.

Обсуждение

Изучение литературы по солженицыноведению позволяет нам выделить следующие воззрения относительно жанра «Красного Колеса»:

– *Эпопея (роман-эпопея)*. Неоднократно автор «Красного Колеса» называл своё произведение эпопеей (Solzhenitsyn, 1996: 347, 420, 439, 576; Solzhenitsyn, 1997: 174, 176,

195, 404, 408, 451), очевидно, исходя из того, что «эпопея – это следующая по крупности за романом прозаическая форма, где единичные судьбы персонажей уже не столь центральны, не столь даже и важны, не ими замыкается обзор, но поднимается выше – к событиям эпохи, целой страны» (Solzhenitsyn, 1998: 172). Такого рода подход разделяется многими исследователями (Autocratova, 2004: 11–12; Aleksandr Isaevich Solzhenitsyn: materialy k bibliografii, 2007: 5; Golubkov, 2001: 8; Guskov, 2010: 7; Niva, 2014: 247; Urmanov, 2002: 168).

Распространенным является понимание «Красного Колеса» как произведения, объединяющего в себе черты романа и эпопеи (Galinskaya, 2015: 74; Motorin, 2018: 124; Tikhomirova, 2010: 7–8, 19–20), традиционно именуемого романом-эпопеей. Т.В. Клеофастова приводит ряд признаков, на основании которых она относит «Красное Колесо» к данному жанру: воссоздание эпической модели мира, описание жизни народа в переломный исторический момент, осмысление глобального исторического пути народа, жизнь личности тесно переплетена с историей народа, демонстрация значимости народно-героических начал, обусловленность социальных катастроф целенаправленными действиями определённых групп (Kleofastova, 2005: 281).

– *Историческая эпопея* наряду с эпопеей является одним из авторских жанровых определений. В.В. Гуськов придерживается точки зрения, согласно которой именно авторское определение – «историческая эпопея» – более всего соответствует внутренней жанровой структуре произведения и не требует дополнения словом «роман». Данный исследователь исходит из предположения о том, что первоначально писатель, анализируя жизненный материал, идентифицировал его с романом жанром, но с развитием замысла жанровые рамки романа стали препятствовать достижению поставленной цели, и материал «скорректировал» жанр произведения (Guskov, 2010: 41–42, 44). Ряд авторов также определяют жанр «Красного Колеса» как историческую эпопею (Vanyukov, 2005: 244; Koshkin, 2011:

3; Urmanov, 2009: 379; Shepel, 2011: 101; Shchedrina, 2013: 103).

– *Цикл*. К авторскому определению жанра наряду с эпопеей, исторической эпопеей относится и «цикл Узлов» (Solzhenitsyn, 1996: 420), такого рода жанровую характеристику разделяют некоторые исследователи (Bolshev, 2003: 19; Meshkov, 1993: 6; Polonsky, 2019: 214 Tikhomirova, 2010: 15–16; Shchedrina, 2010: 47), поскольку наличествует структурная, смысловая, художественная стилистическая, событийная, образно-метафорическая целостность всего произведения;

– *Хроника*. Некоторые авторы, отмечая, что «Красное Колесо» продолжает традиции русского хроникального эпоса (Kotelnikov, 2013: 269), говорят о преобладании эпопейных и хроникальных начал (Spivakovsky, 2005: 49–51), нарастании хроникальных начал от Узла к Узлу (Lakshin, 2008: 132), определяя жанр этого произведения в качестве хроникально-исторической эпопеи (Shepel, 2010: 3–4), или *хроникальной эпопеи* (Spivakovsky, 2000: 19);

– *Повествование в отмеренных сроках*. Данный подзаголовок, использованный А.И. Солженицыным, традиционно воспринимается как авторское жанровое определение «Красного Колеса» (Geller, 1985: 11; Golubkov, 2001: 28; Klimov, 2010: 616–617; Spivakovsky, 2005: 49; Sturman, 1993: 144). Здесь жанрообразующим признаком выступает временная организация произведения, конституированная автором через узловую архитектуру. Е.Я. Бурлина, исследовавшая жанр в контексте культуры, приходит к выводу, что способ организации времени является одним из приёмов, более глубоко вскрывающим жанровые закономерности, нежели «однолинейная» типологизация по признаку темы, сюжета (Burlina, 1987: 23–24).

– *Летопись*. А.В. Урманов ассоциирует «Красное Колесо» с летописью, называя его «авторским Словом о бытии» (Urmanov, 2005: 145). А.М. Ранчин интерпретируя подзаголовок «повествование в отмеренных сроках» обнаруживает жанровое соответствие в русской словесности – летопись

«Повесть временных лет» (Ranchin, 2005). К общим признакам последней указанной автор относит: расположение событий не по сюжетному, а по хронологическому принципу, свободную композицию текста с привлечением иных жанров, фиксацию всего происшедшего в описываемый период, ведение повествования не от имени автора (Ranchin, 1995: 178–179). При этом композиция представляемого материала позволяет визуализировать авторскую позицию относительно описываемых событий, определить ответственных в произошедшей социокультурной катастрофе.

Стоит отметить, что жанровое восприятие «Красного Колеса» как летописи является распространённым (Beglov, 2006: 41–42; Ranchin, 1995: 186; Losev, 1984: 291–292; Pivovarov, 2013: 183), поскольку архаическая позиция летописца, отвергающего формальные ограничения и эстетические ожидания, связанные как с художественной литературой, так и с историографией, позволила А.И. Солженицыну избрать адекватную форму повествования (Vakhtel, 2010: 645–646), придавшую последнему уникальные стилистические и жанровые характеристики, а также культурно-религиозный контекст.

– *Художественное исследование.*

И.И. Виноградов считает, что «Красное Колесо» относится к специфическому жанру «художественного исследования», предполагающему использование в нём опыта художественной документализации, художественного засвидетельствования некой подлинной, живой реальности, действительного наличия фактов, событий, людей (Vinogradov, 1993: 277–278).

М.В. Назаров также идентифицирует «Красное Колесо» как художественное исследование, созданное на документальном материале, это как бы исторический «сверхроман», в котором «раскрывается метафизическая глубина и красота в документальности и реальности» (Nazarov, 1988: 190–191). М.Н. Эпштейн пишет, что в жанровом отношении «Красное Колесо» является художественным исследованием, порожденным жизненным опытом писате-

ля, синтезом документа и образа (Epstein, 2016: 359–360). По наблюдению И.Н. Сухих, в культурной традиции документ, факт всегда проигрывает художественному осмыслению, образу. Творческим выходом здесь является использование уникальной жанровой формы – опыта художественного исследования» (Suhih, 2004: 352).

Г.А. Анищенко, определяя «Красное Колесо» как художественное исследование, поясняет, что данный жанр базируется на сочетании романа, исторической хроники, мемуаров и публицистики. В произведениях этого жанра исследуется «максимально возможное число жизненных ситуаций, которые, сливаясь вместе, создают широчайшую эпическую картину». Наряду с историческим дискурсом неизменно присутствует художественное начало, обеспечивающее образное мышление автора и, соответственно, образную трансляцию действительности. Таким сочетанием обеспечивается неопровержимость художественных исследований, так как «художественное литьё образов нельзя опровергнуть никакими фактами» (Anishchenko, 1988: 111–112).

Работа в архивах Цюриха позволила писателю «углубить написанные ещё на родине ленинские главы, в том числе главу 22-ю из «Августа Четырнадцатого», и в 1975 году отдельной книгой издать сплотку глав «Ленин в Цюрихе», представляющую собой подборку соответствующих глав рассматриваемого повествования. Сам писатель определял жанр книги «Ленин в Цюрихе» как художественное исследование. При этом подробно раскрыл содержание последнего: для полного и многогранного восстановления истории продуктивнее применение художественного видения. В распоряжении историка, согласно научному канону, имеются только фактические, документальные материалы, значительная часть которых уничтожена или искажена, что ограничивает его возможность проникнуть в суть событий. Соответственно, «это не роман, но это применение всех художественных средств, для того чтобы глубже проникнуть в исторические события»

(Solzhenitsyn, 1996: 346). Согласно точному замечанию В.В. Полонского, если «истина документа оказывается трчена объективными обстоятельствами, это искупается правдой художественного осмысления» (Polonsky, 2019: 213).

Стоит отметить, что А.И. Солженицын признавал художественное исследование плодотворным исследовательским методом (Solzhenitsyn, 1996: 212–213). Согласно взглядам писателя, художественное исследование в некоторых отношениях выше научного, поскольку первому присущ тоннельный эффект, интуиция, позволяющие короче и вернее преодолевать трудности познания (Solzhenitsyn, 1996: 325), другими словами, «интуиция проходит гору насквозь туннелем и прямее всего схватывает суть» (Solzhenitsyn, 1997: 453–454), тоннельная интуиция даёт возможность дойти до глубин, недоступных документалисту-историку (Solzhenitsyn, 1996: 347). Более того, историк не может осветить своё произведение «теплом чувства. С моим чувством можно спорить, но оно не борется с фактами, оно органично, как живая ткань, входит в историческое повествование» (Solzhenitsyn, 1997: 453).

Также отметим, что имеют место получившие и меньшее распространение жанровые идентификации «Красного Колеса», например: «историософский роман» (Polyakova, Sorokina, 2013: 410; Struve, 1985: 21), «семейная сага» (Tempest, 2010: 251), историко-философский роман-исследование (Yudin, 1993: 132), антология, *summa summarum* русской поэзии и прозы (Tempest, 2018: 70), драма (трагедия) в пяти актах (Vakhtel, 2010: 629).

Историк Н. Катцер в поисках причин обращения мастеров художественного слова, пишущих о революции, к историческому материалу, ограничивающему их творческую свободу (ведь они могли бы всё выдумать), приходит к «разделительной черте» между искусством и наукой, указывая на два варианта взаимодействия последних. Во-первых, история революции может оказаться на службе у литературного творчества, если последнее, к приме-

ру, использует ход событий лишь как фон к трагическим, уникальным человеческим судьбам. Во-вторых, может быть и наоборот – в творческой обработке возможно понять не отдельные события и личности, а (анонимную) революцию в целом» (Katzer, 2017: 384). Полагаем, что автор «Красного Колеса» продемонстрировал нам третий вариант такого взаимодействия, при котором не только художественный вымысел был трансформирован в историческое повествование, но и параллельно с этим исторический материал был «переплавлен» в художественную форму. В результате этого историческая и художественная составляющие оказались органично и последовательно интегрированными в единое повествовательное пространство.

В связи с этим не можем согласиться с позицией О.В. Гаркавенко, указывающей на «принципиальное ограничение» историко-художественных работ, связанное с тем, что «произведение искусства создается раз и навсегда, а в исторической науке обнаружение новых архивных материалов может в любой момент существенно изменить имеющуюся картину событий» (Garkavenko, 2007: 20). Полагаем, что принятие такого подхода ведёт к обесцениванию в том числе культурфилософского потенциала историко-художественных работ, искусственно сужает их гносеологический потенциал. Напротив, следует говорить о взаимоусиливаемом эффекте методов художественного творчества и исторического исследования при осмыслении литераторами знаковых событий прошлого.

Точку зрения о неоспариваемости исторического содержания «Красного Колеса» развивает и А. С. Немзер, допуская, что профессиональный историк может предложить иное прочтение каких-либо исторических событий и личностей, но частные фактические уточнения не могут изменить или отменить «общего творческого (научного, философского и художественного) решения писателя». Например, если нам докажут, что «исторический Столыпин тем-то и тем-то отличался от Столыпина, изображённого Солженицыным, это не поколеблет

внутренней логики «повествования в отмеренных сроках», той согласованности всех составляющих, что и делает высказывание художника убедительным, заставляет воспринимать его как аналог реальности» (Nemzer, 2010: 38–39).

В таком контексте закономерным представляется указание многих авторов на научно-исследовательскую уникальность рассматриваемого произведения. Так, М.М. Голубков называет автора «Красного Колеса» учёным (поскольку в труде присутствуют элементы научной монографии), ищущим исторические причины революционной трагедии, поэтому А.И. Солженицын стремился к совмещению в писательской личности историка-исследователя, политолога, культуролога, философа, социолога, психолога, а также к минимизации художественного вымысла и, напротив, к максимальному приближению к документальности (Golubkov, 2001: 21–26, 31). Именно документальность выступает, по мнению Н.М. Щедриной, определяющим жанровым признаком данного произведения (Shchedrina, 2010: 267). В.Я. Лакшин также отмечал, что писатель совершал свой гигантский труд как работу за всех безмолвствующих историков, социологов, за всю немую общественность (Lakshin, 2008: 132). Т.В. Клеофастова называла «Красное Колесо» исследовательской работой по новейшей русской истории (Kleofastova, 2005: 302–303). Таким образом, научный подход к осмыслению истоков и последствий русской революции как бы «подчинил» себе художественную составляющую повествования.

Наконец, об историко-художественной жанровой природе «Красного Колеса» свидетельствует не только проведенное выше рассмотрение исследовательских позиций, касающихся жанровой идентификации этого произведения, но и соответствующие высказывания А.И. Солженицына о неотделимости исторического и художественного начал в данном произведении.

В частности, когда в интервью немецкому еженедельнику «Ди Цайт» у писателя спросили, как он видит баланс между историческим повествованием и художе-

ственным произведением в «Красном Колесе», он ответил, что здесь «совсем тонкая граница», поскольку «соотношение исторического материала и художественности представляет сложную задачу». Но сюжет эпопеи определён исключительно историей, поэтому в произведении преобладает исторический материал, а художественные приёмы призваны содействовать более точному и углублённому изображению реальных исторических деятелей, в том числе их психологических портретов. Неудивительно, что писатель, признавая за другими историками или художниками право реконструкции хода революции, отказывал им в возможности отступления от какой-либо, даже самой маленькой детали.

Как справедливо отмечает Д.М. Штурман, автор, используя множество документов, «вполне первичен, ибо свободен от первоисточников в своих подходах и оценках», независимо от степени их общепризнанности. Стремление к точности и объективности трансформируется в такое писательское качество, как честность, и в «этом смысле Солженицын – не сочинитель». Отдельно Д.М. Штурман подчёркивает «историческую цитатность» произведения, подразделяя используемые цитаты на: событийно-хроникальные, портретные и документальные. При анализе цитат в «Красном Колесе» создаётся впечатление, что «цитируются не первоисточники, не документы, а само время, в которое переместился автор» (Sturman, 1993: 146). В результате таких практик текстуальному пространству «Красного Колеса» предана достоверность документа, а чтение первого ассоциируется с работой над архивным материалом (Vakamiya, 2010: 236–238).

Так, событийно-хроникальное цитирование представлено, например, главами, названными в том числе «Вскользь по газетам», «Газетное», «Из первых газет», «Изложение революционных событий по газетам», представляющими собой выдержки из различных газет тех лет, которые посвящены не только политическим (покушения и убийства, визиты официальных лиц, аресты, отставки, политиче-

ские воззвания, приветствия и заявления), экономико-бытовым (реклама товаров и услуг, ценообразование, урожайность, ситуация на рынках, функционирование банковской системы), но и культурным (новинки кинематографа, объявления о концертах, сообщения о театральном репертуаре, выступления в защиту культурного наследия) аспектам жизни общества.

Портретные цитаты касаются, например, описаний внешности исторических лиц. Здесь цитатность обеспечивается тем, что А.И. Солженицын в процессе работы над эпопеей придавал особое значение работе с фотографиями и рисунками лиц. Так, в 26 главе «Августа Четырнадцатого» мы находим параллельное описание внешности двух генералов – Н. А. Ключева и М. В. Алексеева. Писатель указывает на то, что хоть Ключев и имел принадлежности лица военного человека, особенно усы, но если было приглядеться, то не военное это было лицо, и вообще не лицо, т.к. не было на нём собственных настоящих признаков. Более того, все привыкли видеть на этом месте простое, прихмуренное, всеми любимое лицо Алексеева.

Документальные цитаты в том числе представлены выдержками из писем, телеграмм, донесений, докладных записок, дипломатических документов, приказов, инструкций, протоколов, справок, официальных обращений и сообщений, дневников, листовок и пронумерованы в повествовании в следующем формате: «Документы – 1», «Документы – 2» и т.д.

А.И. Солженицын также говорил, что работает над «Красным Колесом» одновременно как историк и романист. При этом была поставлена задача «передать истинную историю», с цитатной подачей фрагментов наиболее выразительных документов и с «переработкой в художественную ткань» остальных документов (Solzhenitsyn, 1997: 175), описать революцию во всех её деталях, «час за часом, минуту за минутой, и каждое сколько-нибудь заметное действие» (Solzhenitsyn, 1997: 252), т.е. осмыслить революционные события в контексте их объективной хронологи.

Поэтому в Дневнике «Р-17» писатель 29 июня 1985 года сделал запись: «В прежних исторических романах авторы давали себе большую свободу всё-таки. В этом смысле «Красное Колесо» и новый жанр романа «ответственно точны» (Solzhenitsyna, 2007).

Значение для писателя научного подхода проиллюстрируем цитатой из «Августа Четырнадцатого»: «Не позволяя себе ни взмаха выдумки, коль можно точно собрать и узнать, держась к историкам ближе, а от романистов подальше» (Solzhenitsyn, 2007: 349). А в замечаниях к следующему, второму Узлу писатель констатировал, что из-за искажения отечественной истории он был вынужден в указанной работе «превзойти ожидаемую для литературного произведения долю исторического материала». Далее он описал некоторые особенности своего исследовательского метода. Например, подлинные стенограммы заседаний, речи, письма были избавлены писателем от многословия, повторов, побочных и расплывчатых моментов, невыразительности путём «сгущения» текста, но без какого-либо искажения их смысла (поэтому все цитаты истинны, но не все дословны), поскольку концентрация действительности – требование искусства. Почти все исторические лица представлены автором под своими именами и со строгой выдержкой фактов их биографии.

Заключение

Таким образом, жанрообразующими признаками «Красного Колеса» являются историзм, художественность и эпопейность. Поскольку историко-документальный вектор произведения превалирует над художественным вымыслом, всецело предопределяет его, а само произведение посвящено масштабному исследованию предпосылок, причин и хода русской революции с широким привлечением социокультурных, политико-правовых, экономических и других контекстов жизни всей страны и отдельных лиц, полагаем, что в жанровом отношении «Красное Колесо» является историко-художественной эпопеей.

Список литературы / References

Aleksandr Isaevich Solzhenitsyn: materialy k bibliografii. Sost.: D.B. Aziatcev i dr. [*Alexander Isaevich Solzhenitsyn: materials for bibliography*. Comp.: D.B. Asiantsev et al]. St. Petersburg: Russian National Library, 2007, 800.

Anishchenko G. A. Prorok i otechestvo [The Prophet and the fatherland]. In: *Vestnik russkogo hristianskogo dvizheniya [Bulletin of the Russian Christian Movement]*, 1988, 3(154),106–112.

Astafieva O.N. Gumanitarnyj diskurs Yu.M. Lotmana: semioticheskaya interpretaciya dinamiki kul'tury [The humanitarian discourse of Y.M. Lotman: a semiotic interpretation of the dynamics of culture]. In: *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 2023. 6, 156–159.

Autocratova T. M. *Iz literaturnoj kollekcii A. I. Solzhenitsyna kak yavlenie pisatel'skoj kritiki: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [From the literary collection of A. I. Solzhenitsyn as a phenomenon of literary criticism: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01]*. Tyumen, 2004, 21.

Balashova I. A. Zhanrovaya forma v osmyslenii avtora proizvedeniya [The genre form in the understanding of the author of the work]. *Zhanr kak instrument prochteniya: Sb. statej. Pod red. V.I. Kozlova [Genre as a reading tool: Collection of articles. Edited by V.I. Kozlov]*. Rostov-on-Don, «Innovacionnye gumanitarnye proekty», 2012, 51–59.

Beglov V. A. *Epopeya v russkoj literature XIX–XX vv. (Stanovlenie i transformacii): avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [Epic in Russian literature of the XIX–XX centuries. (Formation and transformation): abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01]*. Moscow, 2006, 45.

Bolshev A. O. *Ispovedal'no-avtobiograficheskoe nachalo v russkoj proze vtoroj poloviny XX veka: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [Confessional and autobiographical beginning in Russian prose of the second half of the XX century: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01]*. St. Petersburg, 2003, 35.

Burlina E. Ya. *Kul'tura i zhanr. Metodologicheskie problemy zhanroobrazovaniya i zhanrovogo sinteza [Culture and genre. Methodological problems of genre formation and genre synthesis]*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1987, 165.

Epstein M. N. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]*. St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016, 480.

Galinskaya I. L. Zhizn' i sud'ba Aleksandra Solzhenitsyna [The life and fate of Alexander Solzhenitsyn]. In: *Kul'turologiya [Cultural Studies]*, 2015, 2(73), 72–75.

Garkavenko O. V. *Hristianskie motivy v tvorchestve A. I. Solzhenitsyna: avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [Christian motives in the works of A. I. Solzhenitsyn: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01]*. Saratov, 2007, 22.

Geller M. Vchera i segodnya v «Krasnom kolese» A. Solzhenitsyna [Yesterday and today in A. Solzhenitsyn's "Red Wheel"]. In: *Obozrenie [Review]*, 1985, 17, 11–19.

Gerasimova L. E. *Etyudy o Solzhenitsyne [Sketches about Solzhenitsyn]*. Saratov, Novyj veter, 2007, 130.

Golubkov M. M. *Aleksandr Solzhenitsyn [Alexander Solzhenitsyn]*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2001, 111.

Guskov V. V. *Kto raskrutil Krasnoe Koleso? Sistema personazhej istoricheskoy epopei A. I. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso» [Who spun the Red Wheel? The character system of A. I. Solzhenitsyn's historical epic "The Red Wheel"]*. Blagoveshchensk, 2010, 228.

Kalashnikova S. M. *Poetika istoriosofskoj prozy A. S. Solzhenitsyna: «Krasnoe Koleso» [The poetics of A. S. Solzhenitsyn's historiosophical prose: "The Red Wheel"]*. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya, 2018, 134.

Katzer N. «Pyl' i dym». «Revolyuciya» i pisateli ["Dust and smoke." The "Revolution" and the writers]. *Velikaya rossijskaya revolyuciya, 1917: sto let izucheniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The Great Russian Revolution, 1917: one Hundred years of study: proceedings of the International Scientific Conference]*. Moscow, IRI RAN, 2017. 379–384.

Kleofastova T. V. Hudozhestvennyj fenomen rubezha tysyacheletij – istoriko-issledovatel'skij roman-epopeya "krasnoe koleso" A. I. Solzhenicyna [The artistic phenomenon of the turn of the millennium is the historical and research epic novel "The Red Wheel" by A. I. Solzhenitsyn]. *"Krasnoe koleso" A. I. Solzhenicyna: hudozhestvennyj mir, poetika, kul'turnyj kontekst: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov* ["The Red Wheel" by A. I. Solzhenitsyn: the artistic world, poetics, cultural context: An international collection of scientific papers]. Blagoveshchensk, 2005, 281–301.

Kleofastova T. V. Tvorchestvo A. Solzhenicyna v kontekste XX v. [The work of A. Solzhenitsyn in the context of the XX century]. In: *Mezhdv dvumya yubileyami (1998–2003): pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenicyna: al'manah* [Between two anniversaries (1998–2003): writers, critics, literary critics about the work of A. I. Solzhenitsyn: an almanac]. Moscow, Russkij put', 2005, 302–314.

Klimov A. Vvedenie k epopee «Krasnoe Koleso» [Introduction to the epic "The Red Wheel"]. In: *Solzhenicyn: Myslitel', istorik, hudozhnik. Zapadnaya kritika, 1974–2008* [Solzhenitsyn: Thinker, historian, artist. Western Criticism, 1974–2008]. Moscow, Russkij put', 2010, 615–626.

Koshkin S. A. Hudozhestvennaya koncepciya lichnosti v epopee A. I. Solzhenicyna "Krasnoe koleso": avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [The artistic concept of personality in A. I. Solzhenitsyn's epic "The Red Wheel": abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01]. Moscow, 2011, 22.

Kotelnikov V. Kartina cheloveka v «Krasnom Koleso» [A painting of a man in the "Red Wheel"]. *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenicyna: na puti k «Krasnomu kolesu»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The life and work of Alexander Solzhenitsyn: on the way to the "Red Wheel": proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Russkij put', 2013, 267–275.

Kublanovskiy Y. M. Stil' i istoriosofiya «Krasnogo Kolesa» A. I. Solzhenicyna [The style and historiography of the "Red Wheel" by A. I. Solzhenitsyn]. In: *Strelec* [Sagittarius], 1989, 1(61), 283–293.

Lakshin V. Ya. *Solzhenicyn i koleso istorii* [Solzhenitsyn and the Wheel of History]. Moscow, Algoritm, 2008, 400.

Losev L. V. Velikolepnoe budushchee Rossii. Zametki pri chtenii «Avgusta CHetyrnadcatogo» A. Solzhenicyna [The magnificent future of Russia. Notes on reading "August the Fourteenth" by A. Solzhenitsyn]. In: *Kontinent* [Continent], 1984, 42, 289–320.

Meshkov Yu. A. *Aleksandr Solzhenicyn: lichnost', tvorchestvo, vremya* [Alexander Solzhenitsyn: personality, creativity, time]. Yekaterinburg, Diamant, 1993, 101.

Motorin A. V. Pravdivyj A. Solzhenicyn [The truthful A. Solzhenitsyn]. In: *Sud'by russkoj duhovnoj tradicii v otechestvennoj literature i iskusstve XX – nachala XXI veka: v 3 t.* [The Fate of the Russian spiritual tradition in Russian literature and art of the XX – early XXI century: in 3 volumes]. St. Petersburg, Publishing house "Petropolis", 2018, 99–125.

Nazarov M. V. Dva kredo. Etika i estetika u Solzhenicyna i u Brodskogo [Two creeds. Ethics and aesthetics in Solzhenitsyn and Brodsky]. In: *Vestnik russkogo hristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian Movement], 1988, 3(154), 175–192.

Nemzer A. S. «Krasnoe Koleso» Aleksandra Solzhenicyna. Opyt prochteniya. [The Red Wheel by Alexander Solzhenitsyn. The experience of reading]. «WebKniga», 2010, 187. Available at: <https://www.litres.ru/andrey-nemzer/krasnoe-koleso-aleksandra-solzhenicyna-opyt-prochteniya/> (accessed 15 November 2023).

Niva J. *Aleksandr Solzhenicyn: Borec i pisatel'* [Alexander Solzhenitsyn: Wrestler and writer]. Moscow, Vita Nova, 2014, 336.

Pivovarov B. I. Bogoborchestvo kak dvizhushchaya sila revolyucii: otvet «Krasnogo Kolesa» [God-fighting as the driving force of the Revolution: the response of the "Red Wheel"]. In: *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenicyna: na puti k «Krasnomu kolesu»* [The life and work of Alexander Solzhenitsyn: on the way to the "Red Wheel"]. Moscow, Russkij put', 2013, 169–184.

Polonsky V. V. Nasledie A. I. Solzhenicyna kak fenomen kul'tury i ob'ekt nauchnogo osmysleniya [The legacy of A. I. Solzhenitsyn as a cultural phenomenon and an object of scientific understanding]. In: *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2019, 89, 3. 211–220.

Polyakova L. V., Sorokina N. V. Sholohovedenie materialy k enciklopedii [Scholastic studies materials for the encyclopedia]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]*, 2013, 4(120), 406–419.

Ranchin A. M. Letopis' Aleksandra Solzhenitsyna [The Chronicle of Alexander Solzhenitsyn]. In: *Strelec [Sagittarius]*, 1995, 1, 178–186.

Ranchin A. M. «Povestvovan'e v otmerennykh srokakh»: o genezise podzagolovka v «Krasnom Kolese» A. I. Solzhenitsyna [«Narrative in Measured Time»: on the genesis of the subtitle in A. I. Solzhenitsyn's *The Red Wheel*]. 2005. Available at: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/?ELEMENT_ID=1293 (accessed 15 November 2023).

Shchedrina N. «Krasnoe Koleso» A. Solzhenitsyna i russkaya istoricheskaya proza vtoroj poloviny XX veka [The Red Wheel by A. Solzhenitsyn and Russian historical prose of the second half of the XX century]. *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: na puti k «Krasnomu Kolesu»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The life and work of Alexander Solzhenitsyn: on the way to the "Red Wheel": proceedings of the International Scientific Conference]*. Moscow, Russkij put', 2013, 100–111.

Shchedrina N. M. «Krasnoe Koleso» A. Solzhenitsyna i russkaya istoricheskaya proza vtoroj poloviny XX veka [The Red Wheel by A. Solzhenitsyn and Russian historical prose of the second half of the XX century]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli, 2010, 336.

Shepel A. S. *Vostochno-Prusskaya operaciya 1914 g. i ee otrazhenie v hudozhestvenno-istoricheskoy proze (na primere romana A. I. Solzhenitsyna "Avgust CHetyrnadcatogo"): avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 [The East Prussian operation of 1914 and its reflection in artistic and historical prose (on the example of the novel by A. I. Solzhenitsyn "August of the Fourteenth"): abstract of the dissertation of the candidate of Historical Sciences: 07.00.02]*. St. Petersburg, 2010, 18.

Shepel A. S. Pereklichka motivov v romane «Avgust Chetyrnadcatogo» i povesti «Adlig SHvenkitten» [A roll call of motives in the novel "August of the Fourteenth" and the novella "Adlig Schwenkitten"]. *Malye zhanrovye formy v tvorchestve A. Solzhenitsyna: Hudozhestvennyj mir. Poetika. Kul'turnyj kontekst: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov [Small genre forms in the works of A. Solzhenitsyn: The Artistic world. Poetics. Cultural context: An international collection of scientific papers]*. Blagoveshchensk, 2011, 101–108.

Solzhenitsyn A. I. *Publicistika: T. 1: Stat'i i rechi [Journalism: Vol. 1: Articles and speeches]*. Yaroslavl, Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1995, 720.

Solzhenitsyn A. I. *Publicistika: T. 2: Obshchestvennye zayavleniya, pis'ma, interv'yu [Journalism: T. 2: Public statements, letters, interviews]*. Yaroslavl, Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1996, 624.

Solzhenitsyn A. I. *Publicistika: T. 3: Stat'i, pis'ma, interv'yu, predisloviya [Journalism: Vol. 3: Articles, letters, interviews, prefaces]*. Yaroslavl, Verhnyaya Volga, 1997, 560.

Solzhenitsyn A. I. Priyomy epopej: iz Literaturnoj kollekcii [Techniques of epics: from the Literary Collection]. In: *Novyj mir [The New World]*, 1998, 1, 172–190.

Solzhenitsyn A. I. *Sobranie sochinenij v 30 tomah. T. 7. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh srokakh v chetyrekh Uzлах. Uzel 1: Avgust CHetyrnadcatogo. Kniga 1 [Collected works in 30 volumes. Vol. 7. The Red Wheel: Narrative in measured terms in four Knots. Node 1: August Fourteenth. Book 1]*. Moscow, Vremya, 2007, 432.

Solzhenitsyna N. D. «Krasnoe Koleso» – novyj zhanr romana otvetstvenno tochnogo [“The Red Wheel” is a new genre of responsibly accurate novel]. In: *Rossijskaya Gazeta*. 2007

Spivakovskij P. E. *Formy otrazheniya zhiznennoj real'nosti v epopee A. I. Solzhenitsyna "Krasnoe koleso": avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [Forms of reflection of life reality in A. I. Solzhenitsyn's epic "The Red Wheel": abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01]*. Moscow, 2000, 21.

Spivakovskij P. E. Sistema ontologicheskikh simvolov v epopee “krasnoe koleso” [The system of ontological symbols in the epic “the red wheel”]. *“Krasnoe koleso” A. I. Solzhenitsyna: hudozhestvennyj mir, poetika, kul'turnyj kontekst: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov [“The Red Wheel” by A. I. Solzhenitsyn: the artistic world, poetics, cultural context: An international collection of scientific papers]*. Blagoveshchensk, 2005, 34–88.

- Struve N. Oktyabr' Shestnadcatogo [October the Sixteenth]. In: *Obozrenie [Review]*, 1985, 17, 20–24.
- Sturman. D.M. Ostanovimo li Krasnoe Koleso?: Razmyshleniya publicista nad zaklyuchitel'nymi Uzlami epopei A. Solzhenitsyna [Is the Red Wheel stopable?: Reflections of a publicist on the final Nodes of the epic of A. Solzhenitsyn]. In: *Novyj mir [The New World]*, 1993, 2, 144–171.
- Suhii I.N. Skazanie o tritone (1958–1968. «Arhipelag GULAG» A. Solzhenitsyna) [The Legend of Triton (1958–1968. "Gulag Archipelago" by A. Solzhenitsyn)]. In: *Dvadcat' knig XX veka. Esse [Twenty books of the XX century. Essay]*. St. Petersburg, Paritet, 2004, 350–387.
- Tempest R. Iekhsandr Solzhenitsyn – (anti)modernist [Alexander Solzhenitsyn is an (anti)modernist]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2010, 103, 246–263.
- Tempest R. Tajnye yazyki iskusstva v proizvedeniyah A. I. Solzhenitsyna [The secret languages of art in the works of A. I. Solzhenitsyn]. *Lichnost' i tvorchestvo A. I. Solzhenitsyna v sovremennom iskusstve i literature: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj stoletiyu so dnya rozhdeniya A. I. Solzhenitsyna [The personality and creativity of A. I. Solzhenitsyn in contemporary art and literature: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the centenary of the birth of A. I. Solzhenitsyn]*. Moscow, Russkij put', 2018, 62–75.
- Tikhomirova E. S. «Krasnoe Koleso» A. I. Solzhenitsyna i tradicii romana-epopei v russkoj literature XIX–XX vv.: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [«The Red Wheel» by A. I. Solzhenitsyn and the traditions of the epic novel in Russian literature of the XIX–XX centuries: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences: 10.01.01]. Kostroma, 2010, 21.
- Urmanov A. V. Sfera idej epopei "Krasnoe koleso" [The sphere of ideas of the epic "Red Wheel"]. In: *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya [Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: trends and currents]*, 2002, 6, 167–184.
- Urmanov A. V. Paradoksy prostranstva i vremeni v istoricheskoy epopee A. Solzhenitsyna [The paradoxes of space and time in the historical epic of A. Solzhenitsyn]. «Krasnoe Koleso» A. I. Solzhenitsyna: hudozhestvennyj mir, poetika, kul'turnyj kontekst: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov [«The Red Wheel» by A. I. Solzhenitsyn: the artistic world, poetics, cultural context: An international collection of scientific papers]. Blagoveshchensk, 2005, 145–196.
- Urmanov A. V. Otrazhenie global'nykh leksicheskikh processov revolyucionnoj epohi v epopee «Krasnoe Koleso» [Reflection of the global lexical processes of the revolutionary era in the epic "Red Wheel"]. In: *Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni: Sbornik pamyati: 1918–2008 [Solzhenitsyn's Path in the Context of Big Time: A Collection of Memories: 1918–2008]*. Moscow, Russkij put', 2009, 379–399.
- Vakamiya L.R. Ritoricheskie konstrukcii repatriacii v proizvedeniyah Aleksandra Solzhenitsyna [Rhetorical constructions of repatriation in the works of Alexander Solzhenitsyn]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2010, 3(103), 232–245.
- Vakhtel E. B. Nazad k letopisyam: Solzhenitsynskoe «Krasnoe Koleso» [Back to the Annals: Solzhenitsyn's "Red Wheel"]. In: *Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, hudozhnik. Zapadnaya kritika, 1974–2008 [Solzhenitsyn: Thinker, historian, artist. Western Criticism, 1974–2008]*. Moscow, Russkij put', 2010, 627–647.
- Vanyukov A. I. «Krasnoe Koleso» A. Solzhenitsyna: poetika zaglaviya i struktura povestvovaniya (uzel I. «Avgust CHetyrnadcatogo») ["The Red Wheel" by A. Solzhenitsyn: the poetics of the title and the structure of the narrative (node I. "August of the Fourteenth")]. In: *«Krasnoe Koleso» A. I. Solzhenitsyna: hudozhestvennyj mir, poetika, kul'turnyj kontekst: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov ["The Red Wheel" by A. I. Solzhenitsyn: the artistic world, poetics, cultural context: An international collection of scientific papers]*. Blagoveshchensk, 2005, 244–280.
- Vinogradov I. I. Solzhenitsyn-hudozhnik [Solzhenitsyn is an artist]. In: *Kontinent [Continent]*, 1993, 75, 273–285.
- Yudin V. Anatomiya revolyucii [The anatomy of a revolution]. In: *Sever [North]*, 1993, 7, 132–138.